Иван-царевич и С.Волк. или
В чужой монастырь со своим самоваром

ЖАР-ПТИЦА

СВЕТЛАНА БАГДЕРИНА

2

Светлана Багдерина

Жар-птица

Серия «Иван-царевич и С. Волк или В чужой монастырь со своим самоваром», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19061640
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Если у вас имеется четыре мешка золота, вы без проблем сможете купить в славном городе Мюхенвальде заветную жар-птицу. Только ни в коем случае не водите дружбу с мини-сингером, не бейте кронпринца и не пытайтесь преподать отроку Сергию урок военной стратегии, иначе простая задача может оказаться невыполнимой в самый неподходящий момент, а ценой жар-птице станут не деньги, а жизнь. Из серии «Былины Белого Света».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 28

Светлана Багдерина
Жар-птица

В чужой монастырь со своим самоваром.
Шарлемань Семнадцатый

Вечером четвертого дня Иван, Сергий, два коня и четыре куля золота торжественно въехали[1] в древний славный город Мюхенвальд, столицу Вондерланда, родину сосисок с капустой, песенки про некоего Августина и блицкрига.

Окруженный со всех сторон многометровыми[2] крепостными стенами, рвом[3] и валом, похожим больше на горный хребет, этот город был построен, чтобы выстоять многотысячные штурмы и многомесячные осады многочисленных врагов. Вондерландские короли всегда славились своей воинственностью, склочным нравом и нетерпимостью, что не всегда положительно сказывалось на отношениях с соседями, близкими и дальними родственниками и просто проходимими кочевыми племенами, каковые, выведенные из себя всякие границы переходящим поведением очередного мюхенвальдского монарха, частенько наведывались незваными гостями под самые стены стольного города. Случалось это

---

[1] По крайней мере, шестеро из них.

[2] В трех измерениях.

[3] Если бы в Диснеланде его видели, они никогда не назвали бы свое ущелье Великим.

с настораживающей частотой еще и потому, что когда раздавали дальновидность, полководческий талант и здравый смысл, королевская фамилия, судя по всему, находилась где-то на другом конце Белого Света.

Серый оценивающе осмотрел крепостные укрепления и стражу на воротах, а на вопросительный взгляд царевича пожал плечами:

– Нет-нет, ничего, просто интересно.

Иван глаз не отвел.

– Ты никогда ничего не делаешь просто так, Сергий.

Волк хитро ухмыльнулся:

– Не перехвали, Иванушка.

Ваня тоже невольно ухмыльнулся.

– Сергий, я, конечно, очень ценю и даже восхищаюсь твоей предприимчивостью, отвагой и проворством, НО, КЛЯНУСЬ ТЕБЕ, ЧТО ЭТОТ ГОРОД МЫ БУДЕМ ПОКИДАТЬ СПОКОЙНЫМ ШАГОМ И С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ. По крайней мере, я, так как на счет твоей совести, не в обиду никому будь сказано, я еще к однозначному выводу не пришел.

Это развеселило разбойника еще больше. Он хотел что-то ответить, но из боковой улочки вдруг донесся какой-то шум. Они с любопытством повернули головы.

Если по центральной улице, по которой они ехали, еще передвигались аборигены, то в этом переулке не было ни одного прохожего и проезжего. Иногда просто диву даешься,

с какой скоростью все неприсоединившиеся стороны могут покинуть место разгорающейся потасовки.

– Драка, – лениво махнул рукой Серый и отвернулся.

На взгляд царевича это была не драка, а избиение. Пятеро хорошо одетых молодых людей, судя по пристегнутым мечам, дворян, увлеченно мутузили шестого, который, похоже, уже даже не старался вырваться, а лишь неловко закрывался от ударов и кряхтел.

– Оставьте его немедленно! – Иван спешно развернул коня и направил в переулок, прямо на дерущихся.

«Пошел вон» через плечо – вот и всё, чего он удостоился.

Как среагировал бы на такое обращение королевич Елисей, страшно было даже представить.

– Отпустите его, трусы! – меч Иванушки, будто по собственной воле, вырвался из ножен и плашмя опустился на ближайшую спину.

– Впятером! Избивать! Одного! Безоружного! Негодяи! – град ударов обрушился на опешивших высокородных хулиганов. Они выпустили объект своего внимания, и тот кулем рухнул на землю.

К несчастью, замешательство мюхенвальдских дворян продолжалось недолго. Зазвенели мечи – и аристократическая шайка с азартными выкриками налетела на Иванушку. Они хотели получить этим вечером заряд бодрости и веселья – и их желании сбывались с лихвой.

Если бы не уроки фехтования, преподносимые Волком

каждый вечер, повествование наше оборвалось бы на этой странице. Но каковы бы ни были Ивановы успехи, пятеро головорезов для начинающего бойца, было слишком. Ударом рукоятью меча по темечку он отправил нахала в красном плаще отдыхать на мостовую, но раскладу сил это не помогло. Скорее наоборот: оставшиеся дворяне накинулись на него как оголтелые. Мысль спешиться пришла слишком поздно. Неудачный – или удачный – выпад юнца в малиновом камзоле – и жеребец, хрипя, рухнул с полуметром стали в груди.

Оказалось, в древнем гостеприимном Мюхенвальде мостят даже маленькие переулки в бедных пригородных кварталах. Век живи – век учись, дураком от такой ерунды и помрешь…

– …откуда тут взялся этот мужлан?…

– …надо преподнести ему хороший урок…

– …ублюдок…

– …давайте отрежем ему уши…

– …пропусти меня, Гейнц…

– …нет, я сам переломаю ноги этому быдлу…

О ком это они?… Они – это кто?… Непонятно…

Единственное, в чем Иван был уверен, это что его голова раскололась на несколько частей. Если бы каким-то чудом он смог поднять руку, он даже показал бы, на какие именно. Перед глазами в алом тумане кружили золотые искры. Тягучие плавающие звуки доносились точно из соседнего изме-

рения.

Кто-то хочет кого-то зарезать… Зачем… Не надо…

– Зачем? Не надо.

Знакомый голос…

– Если вы заплатите за убитую лошадь и тихо уберетесь отсюда по домам, я дам вам уйти.

Волк?

– А вообще-то, вы еще должны отвезти моего друга до ближайшего постоялого двора. На себе. Потому что вы есть безмозглые мерины, а матери ваши – вислобрюхие клячи.

Волк!

Ухмыляясь, как идиот, Иванушка спокойно провалился в беспамятство.

Очнулся он только когда его вытаскивали из-под коня – и сразу схватился за голову. К его бесконечному удивлению она все еще располагалась на плечах, одним куском, хотя и с большущей гулей на затылке.

– Ну вот, опять живой, – ласково поставил его на ноги Волк и прислонил к стене.

– Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным, – нежно ощупывая шишку, сделал попытку улыбнуться Иван.

– Теперь королевич Елисей был бы доволен? – полюбопытствовал Серый, навьючивая переметные сумы с мертвого коня на свою лошадь.

– Я не просил тебя спасать меня, – насупился царевич.

– А если бы был в состоянии?

Вовремя спохватившись, что слова «ирония» в лексиконе Сергия нет и никогда не было,[4] и что, если бы не Волк, незнакомцем, которого хотели зарезать благородные бандиты, наверняка стал бы он, Ивану стало стыдно. Настолько, что извиниться он постеснялся, и торопливо перевел разговор в другое русло.

Осторожно повернув голову из стороны в сторону, он спросил:

– А где… эти…

– Какие эти? Ах, эти… Убежали. Латать свои шкуры и кафтаны, я полагаю. Я же обещал их отпустить, если они заплатят за коня.

– Ты хочешь сказать, что они?!..

Волк небрежно кивнул на свой пояс, потяжелевший на пять кошельков.

– А куда они денутся?

Иванушке оставалось только покачать головой, о чем тут же и пожалел – свежеприобретенная шишка таких гимнастических номеров не прощала.

Смеркалось. На главной улице зажигали фонари. В переулке по-прежнему было тихо и пустынно.

– Ну как, Вань? Голова моргает? Ноги шевелятся? – Сергий закончил приторачивать к седлу последний трофейный меч. – На шишку шапка налезет?

---

[4] Не правда ли?

– Ерунда. Синяк. К утру пройдет, – приняв мужественно-снисходительный вид, хмыкнул царевич и добавил про себя: «Дней через десять».

– Вот и славненько. А то ведь нам еще постоялый двор искать придется. Ты тут, нечаянно, раньше не был?

– Я вас п-провожу, – и из темноты, нетвердо ступая, вышел человек. С первого взгляда царевич узнал в нем беднягу, за которого заступился.

– Пошли, – пожал плечами Серый, и они двинулись к свету на центральную улицу.

– Поз-звольте поблагодарить вас… ик… с-сам-м-моутверж… сам-моотревж-ж-ж… с-сам-моотвержд… великодушных господ, я хочу сказать… за мое сп-пасение из лап… ик… этих п-пере… перезрелых… пере…зренных н-н-негодяев и п-представиться. Хотя, м-может, вы уже с-слышали м-мое имя, – незнакомец попытался горделиво вскинуть голову, но, ойкнув, сморщился, снова икнул и схватился за голову. Царевич невольно почувствовал к нему симпатию.

– Я – Гарри. М-меннизингер, – продолжил он с неменьшим апломбом, но с более ограниченной жестикуляцией. – Ваш покорный с-слуга, – и человек, дохнув на них алкоголем, поклонился.[5] Волк наклонился к царевичу и шепотом переспросил, не сводя с аборигена подозрительного взора:

– Кто-кто он?

Иванушка также шепотом пояснил:

---

[5] А может, просто посмотрел на свои коленки.

– Это от вондерландского «мини», что значит «маленький», и «сингер», что значит «певец».

Сергий еще раз покосился на нового знакомого, более внимательно.

– Маленький? А ты ничего не путаешь?

Минисингер был высок, толст и немыт. Желтые грязные спутанные кудри до плеч постоянно лезли ему в глаза, и он смахивал их назад рукой жестом лорда, отгоняющего козявку. Черная с желтыми разводами[6] куртка без единой пуговицы расходилась на животе, открывая для обозрения замызганную серую сорочку.[7] Половина лица, обращенная к Волку, начинала потихоньку синеть и распухать. Босые, в одних дырявых чулках, ноги мягко шлепали по мостовой, перемещая своего хозяина одновременно в четырех измерениях. По всем признакам, без сомнения, Гарри был человеком творчества.

– Кто это тебя так взъерошил? – для поддержания разговора вежливо поинтересовался Серый.

Минисингер метнул на Волка убийственный взгляд, но того он даже не задел.

– Вы знаете этих мерзавцев? – рука царевич потянулась к мечу, и Серому даже показалось, что назови минисингер своих обидчиков, его друг бросится на их поиски, забыв про всё на свете. Гарри, по-видимому, это показалось тоже, он

---

[6] Или желтая с черными пятнами?

[7] Была ли она раньше черной или белой, оставалось только догадываться.

решил, что самолюбие его в безопасности, и притушил свой пламенный взор.

– Н-не знаю, – промолвил он, – Их было ч-численное п-преимущество, и они з-заставили меня в-в-врасплох. Ик. Если бы не это, й-я бы им п-пок-ик-казал! – он угрожающе взмахнул кулаком, снова ойкнул, но схватился на этот раз за плечо.

– Что показал? – полюбопытствовал Серый.

Если бы взглядом можно было ожечь, на месте Серого сейчас лежала бы кучка пепла. Очень маленькая кучка, если быть точным.

– Куда ты нас ведешь?

– К-к одному своему д-другу.

– Он содержатель постоялого двора?

– П-постоялый д-двор! – презрительно фыркнул Гарри, обдав спутников душепробирающим амбре сивушных масел, одновременно стараясь не делать резких движений. – У него – целый ик… д-дом, ик… два ик-тажа… и ик… красильня! И он – меценат. Ик.

– Что это значит? – шепотом спросил Волк.

– Это значит – покровитель искусств.

– И минисингеров тоже?

– В первую очередь.

– Понятно. Он сдерет с нас двойную цену за свое гостеприимство, чтобы потом отдать наши деньги этому пьянчужке.

Непонятно, почему, но Иванушку это задело за живое.

– Сергий, ты не прав. Нельзя судить о человеке, особенно о человеке искусства, по первому впечатлению. У них – нежные творческие натуры. Состояние натянутого обнаженного нерва – их каждодневная жизнь, они воспринимают мир не так, как все, а как бы полнее, объемнее, они видят и чувствуют то, что не замечает обычный человек, проходя мимо, погруженный в свои сиюминутные заботы, и не сознавая, что под ногами у него – вечность. Поэты пропускают вселенную через себя, испытывая…

– И ты тоже?

– Что?… – экспресс красноречия Ивана налетел на бетонную стену с надписью «Отрок Сергий».

– Я хотел сказать – и ты тоже был когда-то… минисингером?

Иванушка на мгновение задумался.

– Нет.

Волк сделал вид, что поверил.

– Ну смотри, как хочешь, – пожал плечами он. – Но я бы на твоем месте не связывался с ним, хоть он и пропускает во всю вселенную… Что бы это ни значило. Или именно поэтому.

Царевич упрямо, но чрезвычайно осторожно мотнул головой.

– Ну посмотри же, Иванушка, этот твой Гарри – законченная пьянь, минисингер или нет. А пьяницы хороши только в

одном случае – им проще выворачивать карманы.

– Сергий! – взвился Иван.

– Но ведь так оно и есть! Я же не придумываю! Если бы срезать кошельки было бы удобней у трезвых, я бы ведь так и сказал. Что мне за интерес врать?

– Я не о том! Воровать – дурно!

– Дурно воровать – дурно. А хорошо…

– Сергий! Воровать – это гнусно! Брать чужое – преступление, и нет ему оправдания!

– Оправдание всему можно найти.

– Это силлогизм!

– Так силлогизм или преступление?

– Нет, я не это имел ввиду…

– Так зачем говорить то, что не имеешь ввиду? Это называется «врать». А разве врать – это не дурно?

Иванушка остановил на друге выразительный взгляд и промолвил:

– Дурно врать – дурно. А хорошо…

Вечерние улицы Мюхенвальда огласило громовое лукоморское ржание. Минисингер подпрыгнул, ойкнул, схватился за наболевшие места и с укоризной в нетрезвом взоре обернулся к своим спасителям.

– Вы, наверное, издалек-ик-а?

– Да, издалека, и у вас тут на краю света впервые. А что? – весьма определенное выражение лица Волка заставило совершить обратное путешествие слова Гарри, уже готовые вы-

рваться наружу.

– Ах, да, мы же не представились, – спохватился царевич. – Прошу простить нас великодушно, но несколько нестандартные обстоятельства нашего знакомства не позволили сделать это сразу же, но я полагаю, это можно исправить прямо сейчас. Это – мой друг, Сергий Волк, вольный охотник, а я – царевич Иван. И мы прибыли из Лукоморья. Только сегодня вечером, несколько часов назад, если быть точными. И намереваемся пробыть в вашем великолепном городе некоторое время, уладить свои дела, и, конечно же, осмотреть достопримечательности, так сказать, исторические и архитектурные памятники, знаменитый дворцовый комплекс и прочие интересные места.

– Очень приятно, – рот Гарри растянулся в натужной улыбке.

– Да, и мы тоже очень рады встрече с вами, – даже при свете масляных фонарей искренность царевича была видна невооруженным глазом.

– Ты за себя, за себя говори, – уголком губ пробормотал Серый. – А сейчас я в толк взять не могу – чего ты так радуешься, что мы его встретили? Подумаешь, шшастье приперло!

– Если он действительно минисингер, ты не представляешь, как нам повезло! В нашем современном практичном и чересчур реальном мире их же осталось один на миллион! Это несказанная удача! Королевич Елисей за все время сво-

их странствий – и то повстречал их меньше десятка – на страницах девяносто пять, сто двадцать, четыреста пятьдесят девять, пятьсот шестьдесят семь, семьсот сорок один, тысяча двести девяносто девять и три тысячи девятьсот девяносто пятой, в самой последней главе! Ты подумай только! Живой минисингер! Ты вообрази, что если нам действительно так несказанно посчастливилось, то мы услышим настоящие баллады, может быть только что сочиненные, еще животрепещущие, пронизанные духом приключений, прикоснемся к романтическому миру отважных героев, славных подвигов, доблестных походов, прекрасных дам, вдохнем полной грудью пьянящий ветер дальних странствий…

Серый вдохнул полной грудью, мысленно поклялся никогда и ни за что больше в жизни не давать повода Ивану говорить о минисингерах и балладах, а королевичу Елисею при встрече вообще устроить веселенькую жизнь, и погрузился в созерцание прелестей и чудес большого города, неторопливо проплывающих мимо.

* * *

Через час знаменитые красильни предстали перед взором героев. Это подтверждала вывеска над дверью. «Красильня «Веселая Радуга» – вопреки невзрачной цветовой гамме гордо провозглашала она.

На первом этаже в маленькой комнатке, судя по всему

– лавке, их встретил невысокий белобрысый парнишка со стрижкой «под горшок», с виду немногим старше Ивана.

– Санчес, – с картинным полупоклоном, отставив ногу и помахав рукой в области коленок, представил его Гарри. – Наш редактор, ценитель и кормилец.

Санчес смущенно улыбнулся и покраснел.

– А это – приезжие иностранцы, принц Джон и странствующий рыцарь сэр Вульф из Лукоморья. Мы имели счастье, или несчастье, или, так сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло – познакомиться сегодня в переулке Башмачников. Они пришли мне на помощь в некой весьма щекотливой ситуации, незваные, но желанные. И они будут жить у тебя. В смысле, у нас.

– Друзья Гарри – мои друзья! – не прекращая улыбаться, молвил красильщик. – Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты! Правда, у нас тут немножко не прибрано, богемная жизнь, понимаете сами, но зато все свои. У вас багаж?

– Да, с вашего позволения. Не могли бы вы помочь донести? Но если вам тяжело, мы сами… – царевич двинулся на улицу, Серый и Санчес – за ним.

– Ого, – крякнул хозяин, взвалив на плечо мешок. – Что у вас там – чугун?

– Золото, – отозвался Иван из-под другого мешка.

Рыцарь Вульф скривился, как от зубной боли.

Санчес споткнулся на ровном месте.

– Шутка, гы-гы, – сказал Серый, делая царевичу страшные

глаза.

– Гы-гы, – старательно выговорил Иванушка.

– Гы-гы, – задумчиво повторил Гарри с крыльца.

Красильщик оказался словоохотлив, и пока мешки несли до второго этажа, успел поведать новым знакомым, что красильня раньше принадлежала его отцу, что когда тот умер и завещал предприятие ему, он, Санчес, учился в гуманитарной гимназии, каковую ему и пришлось покинуть в связи со вступлением в наследство. Тем более, что его все равно бы к весне выгнали за хроническую неуспеваемость, нарушение режима и непочтение к преподавателям, несмотря на неплохие отцовские денежки, которые тот платил за образование своего единственного отпрыска. Рассказал он, но скорее, не как о факте, а как о забавном недоразумении, что дела в красильне со смерти отца идут неважно, что сколько бы он ни старался (а не старался он нисколько) – клиенты и работники разбегаются, и оставленные родителем капиталы тают не по дням, а по часам.

– И что ты будешь делать, если разоришься?

Санчес ухмыльнулся и скинул мешок на пол в одной из комнат.

– Не если, а когда. Это вопрос времени, чувствую я. Не выходит из меня красильщика. Что делать буду? Стану трубадуром, буду бродить по свету с Гарри, играть на тамбурине, петь его песни…

– А он действительно минисингер? – глаза Иванушки

вспыхнули с новой силой.

– Да, конечно! Самый лучший, какой только есть на свете – а мне их немало приходилось повстречать на своем веку – и в гимназии, и за время знакомства с Гарри. Вы слышали, наверное, баллады «Король и шут», «Рыцарь и чудовище», «Родник»?

– Нет, – как завороженный, царевич покачал головой.

– А «Птица и костер»?

– Нет.

– А «Королева тепла»? «Малиновый король»? «Когда окончен будет бал и вновь взойдет луна…» – вывел Санчес, дирижируя себе рукой.

– Нет…

– Ну да ничего страшного. Мы это быстро исправим. Скоро должен народ начать собираться – Эндрю, Джек Перкин, Юджин, Непогода, Малыш… Даже этот урод Кит придет. Не люблю я его, но он – друг Гарри… Кстати, вот это – ваша комната. Замок на дверях есть, но это не проблема – к нему любой ключ подходит. Живите, сколько надо. Постельного белья, правда, нет. Туалет на первом этаже, рядом с лавкой…

– В смысле, туалет в доме, что ли? – не понял Волк.

– Ну да. Не как у нас, в Лукоморье. Я читал – это из-за гигиены, – авторитетно пояснил царевич.

– А я и не знал, что она заходит так далеко на восток.

Теперь настал черед Иванушки удивляться:

– Так она… это… везде действует… вроде?

– Разве? Тогда надо быть осторожней.

– В каком смысле?

– С гигиеной шутки плохи. Когда она одна – еще можно справиться, а вот несколько – это, говорят, хуже медведя.

В голову Ивану закралось определенное подозрение.

– Сергий, извини, конечно, но ты уверен, что ничего не… э… не путаешь? Гигиена – это когда руки моют каждый день… или тараканов морят до того, как они начинают объединяться с клопами… или подметание пола, пока его еще видно. А гиена – это такой веселый компанейский зверек. Еще устойчивое словосочетание есть – смех гиены. И еще они собираются вместе, когда кому-то плохо. Я читал.

Рыцарь Вульф застыл, как громом пораженный.

– Каждый день?!.. Тараканов?!.. Подметать?!.. М-да… Пожалуй, лучше встретиться с ги… гиеной…

Санчес с интересом стоял и наблюдал за рождением истины, с уважением глядя на Ивана.

– Приятно встретить образованного человека, – от души пожал он царственную руку. – Если что потребуется – говорите, не стесняйтесь. Всегда к вашим услугам. А сейчас пойдем в столовую – народ там собирается.

– Сколько с нас за комнаты? – спросил Иван.

Санчес обиделся.

– Друзья Гарри – мои друзья. Не говорите глупостей.

«Народ» на кухне уже собрался. Вокруг приземистого дубового стола в окружении закопченных стен и давно не чи-

щеных котлов сидела разношерстная компания: каждый второй – минисингер, каждый первый – поэт, определил уже наметанным глазом Серый, скользнув по живописным одеяниям и целой коллекции лютней, глиняных кувшинов с вином и девушек на коленях. Из еды на столе стояло маленькое блюдце с орехами.

Серый деликатно ткнул локтем Санчеса под ребра:

– Одни орехи на ужин – это тоже ваш варварский обычай, типа ги… гигиены, или я чего-то не понял?

Хозяин смущенно улыбнулся в ответ:

– Это всё, что в трактире дают бесплатно к вину.

– А-а… – удовлетворенно кивнул Волк. – А трактир отсюда далеко?

– Да нет, минутах в пяти.

– Пойдем, прогуляемся, пока они тут глотки дерут.

Через полчаса Санчес, Волк, трое слуг трактирщика и пять корзин со всевозможной снедью вернулись в «Веселую Радугу» под одобрительные возгласы собравшихся.

– Налетай! – по-барски взмахнул рукой отрок.

Гости и хозяин не заставили себя уговаривать.

– Санчес, где можно взять кружку? – спросил Волк, проглатывая подвернувшуюся под руку сосиску.

– Вон там, на разделочном столе посмотри.

– Ага, гут.

– Что ты берешь?!

– Кружку.

– Так это же кружка из-под мусора!

– Ну тогда возьму эту.

– Эта – из-под бульона!

– А эта?

– Эта из-под молока.

Сэр Вульф бессильно опустил руки.

– Слушай, хозяин, у тебя есть не кружка из-под чего-нибудь, а просто кружка?

Санчес озадаченно почесал в затылке и ухмыльнулся:

– Похоже, нет. Но я сейчас помою! – он схватил не глядя одну из посудин и побулькал ее в огромном глиняном чане, черная матовая вода которого если и не была колыбелью жизни на Белом Свете, то имела все шансы стать таковой после ближайшей глобальной катастрофы.

Серый плюхнулся на скамью рядом с царевичем. Пение, если оно и начиналось в его отсутствие, на время, по понятным причинам, прекратилось, и друзья воспользовались недолгим перерывом, чтобы тоже перекусить. Волк выудил из кучи угощений нечто гладкое, продолговатое и коричневое, повертел в руках – и потянулся вернуть на место.

– Что это за ерунда? – осведомился он у Ивана, гадливо обтирая пальцы о куртку.[8]

– Где? – повернулся царевич. – А, это… Это – банан в шоколаде.

– Чего? – подозрительно переспросил Сергий.

---

[8] Минисингера справа.

– Фрукт такой, в… э… ну, короче, это вкусно. Попробуй. Тебе должно понравиться.

– Фрукт? Это?…

– Пробуй-пробуй! – заулыбался Иванушка. – Или слабо?

– Сам ты – слабо!

Серый с видом патриция над чашей цикуты откусил крошечный кусочек и принялся жевать с видом великомученика.

Проглотил.

Откусил еще.

И еще…

– Надо же! Банан в шоколаде… – блаженная улыбка заняла всё доступное пространство на лице странствующего рыцаря. – Ешеньки-моешеньки!.. Чтоб я так жил! Банан – в шоколаде!.. А ну, давай еще, – и он с решительным видом принялся ворошить ближнюю к нему груду деликатесов.

Внезапно все вокруг умолкли. Это Гарри взял лютню.

– Ну-с, начнем, – полупьяно поблескивая раскосыми зелеными глазами, молвил он, и все разом загомонили, стараясь перекричать друг друга:

– «Ты мой родник»!

– «Я выпью вина»!

– «Маятник»!

– «Рыцаря и менестреля»!

– «Шарманщика», Гарри, «Шарманщика»!

Пухлые губы минисингера удовлетворенно покривились.

– Все споем, не спешите, наше время впереди. Но начать я хочу с песни, которую сегодня бы посвятил моим друзьям, принцу Джону и сэру Вульфу.

И в полной тишине поплыли первые аккорды.

…Смерть надо мной —
Как солдат на боевом посту.
Но я от нее уйду
По границе миража —
Ей меня не удержать
В гибельных местах —
Я давно забыл,
Что значит страх.

Ведь золото – прах.
В дальних мирах
Оно не дороже свинца…
Слава и власть —
Дьявола пасть,
А мне бы в огне не пропасть…
А мне бы дойти до конца…
Я в пути…

Когда певец закончил, царевич рыдал – то ли от счастья, то ли от полноты чувств, то ли от выпитого вина.

– Сергий, ты понимаешь, это – гениально! Он – гений! Гений!.. – только и повторял он.

А тем временем Гарри вновь ударил по струнам.

Берег не встреченный, остров ненайденный,
Призрачной пристани девственный рай,
Грезы огарок, у неба украденный —
Все, что имею – твоё.
Выбирай…

Музыканты стали перебирать струны своих инструментов, и их голоса бархатной нитью вплетались в песню гариной лютни. Девушки, закрыв глаза и покачиваясь в экстазе, безмолвно шевелили губами, повторяя слова, навечно врезанные в скрижали их душ огненными буквами истинной любви. Иван, раскрыв рот, вытянул шею по направлению к минисингеру и забыл дышать. Даже Серый перестал жевать и склонил по-собачьи голову набок, серьезно вслушиваясь в колдовские звуки баллады. Гениально или п*о*шло – он в этом мало разбирался. Знал он одно – совершенно неожиданно ему понравилось.

Песни и разговоры продолжались далеко за полночь. Когда гости расходились по домам, гостевым комнатам и просто тюфякам на полу, часы на городской башне пробили четыре. Царевич и Волк неровным шагом, в обнимку прошествовали в свою комнату. Серый в отуманенном усталостью и вином мозгу лелеял перспективу поспать завтра[9] подольше.[10] В широко раскрытых же очах Иванушки горела одна,

[9] В смысле, сегодня.

[10] В смысле, до завтра.

но пламенная страсть – увидеть завтра[11] в два часа дня своими глазами настоящий рыцарский турнир, о котором весьма опрометчиво, по мнению Серого, в недобрый час брякнул Санчес. Победитель турнира получит в супруги прекрасную Валькирию – единственную дочь короля.

– Ну-ну, посмотрим, чья возьмет, – грозно бормотал Волк, заваливаясь на свою кровать за картонной перегородкой, хотя в глубине души что-то маленькое, гнусно хихикающее, подсказывало ему, чья же все-таки возьмет.

* * *

Злой, не выспавшийся Серый вот уже полчаса пытался найти в толпе разряженных зевак Ивана. Санчеса и Гарри они потеряли почти сразу, оттертые беспорядочно двигавшимися горожанами, солдатами, минисингерами и продавцами сосисок, пирожков и бананов в шоколаде. Потом они купили Иванушке зеленую бархатную тунику и оранжевую атласную рубашку – отчасти потому, что такие же были на рисунке на странице четыреста восемь «Приключений Лукоморских витязей» на королевиче Елисее, побеждающем на турнире в Шленниберге Безумного Кабальеро. Но главным образом потому, что Серому надоело, что на его друга[12] все

[11] В смысле, опять сегодня.

[12] А точнее, на его белый кафтан, скроенный по последнему всхлипу лукоморской моды.

вондерландцы показывали пальцами.

Отпустив вульгарным невежам десяток-другой затрещин, на третьем десятке Серый сдался и затащил царевича в ближайшую лавку готового платья, где и приобрел Ивану, презрев его отчаянные протесты, то, что ближе к выходу висело. Царевич поклялся, что скорее умрет, чем наденет на себя ЭТО, но Волк прошептал волшебные слова «Пока ты тут рядишься, мы там на турнир опоздаем» – и наряд был куплен. Воспоминания о том, что нечто похожее он уже видел раньше в «Приключениях», слабо утешили его. Что хорошо смотрится на королевиче Елисее…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.